

Страницы истории

*В декабре 2001 года завершилось выполнение Россией и США основных обязательств по договору СНВ-1 – о сокращении стратегических наступательных вооружений до уровня 6000 ядерных боезарядов и 1600 единиц средств доставки для каждой из сторон. По просьбе редакции глава делегации СССР на переговорах посол **Юрий Константинович Назаркин** делится своими воспоминаниями и оценками хода и результатов этих переговоров.*

ДОГОВОР О СОКРАЩЕНИИ И ОГРАНИЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

31 июля 1991 года во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца президент СССР М.С. Горбачев и президент США Дж. Буш подписали Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Эта церемония завершила переговоры, которые были начаты 12 марта 1985 года¹.

Ратификация договора состоялась 4 ноября 1992 года, то есть уже после драматических событий, приведших к распаду Советского Союза. Закон о ратификации² предусматривал, что обмен ратификационными грамотами должен был состояться после присоединения Белоруссии, Казахстана и Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и после достижения ими с Россией договоренностей о порядке выполнения договора СНВ. 5 декабря 1994 года, когда Украина последней ратифицировала ДНЯО, договор по СНВ вступил в силу.

Договор представляет собой объемистый комплекс документов, куда помимо текста собственно договора входят согласованные заявления, Меморандум об исходных данных, протоколы об инспекциях, о ликвидации или переоборудовании, об уведомлениях, о забрасываемом весе баллистических ракет, о телеметрической информации, приложения «Согласованные заявления» и «Термины и их определения». Вместе с односторонними заявлениями и письмами, которыми стороны обменивались по ходу переговоров по конкретным вопросам, требовавшим уточнения, весь этот комплекс составляет более 900 страниц³.

Наиболее важные, принципиальные вопросы, связанные с подготовкой договора, рассматривались на шести встречах на высшем уровне (в Женеве – 1985 год, Рейкьявике – 1986 год, Вашингтоне –

1987 год, Москве – 1988 год, Мальте – 1989 год и Вашингтоне – 1990 год) и на около двух десятках встреч министров иностранных дел.

Договор позволил обеим сторонам сократить за семь лет свои арсеналы ядерных стратегических вооружений примерно на 35–40%. Он создал тщательно разработанную инфраструктуру для последующих сокращений: эффективную систему контроля, процедуры ликвидации и конверсии, методику сбалансированного учета асимметричных по составу и структуре стратегических триад обеих сторон, четкие юридические определения терминов. В ходе переговоров двумя делегациями был подготовлен проект заявления на высшем уровне относительно дальнейших переговоров по ядерным и космическим вооружениям, который был принят президентами СССР и США в ходе встречи на высшем уровне 1 июня 1990 года. Это заявление определяло цели и принципы будущих сокращений.

Содержанию договора и его анализу посвящено достаточно много публикаций. Весьма авторитетным источником является, в частности, книга генерал-полковника Н.Ф. Червова, который, занимая должность начальника Договорно-правового управления Генерального штаба, активно участвовал в разработке позиций на переговорах по ограничению и сокращению вооружений, в том числе СНВ⁴. Однако значительно менее известно о самих переговорах: какие трудности на них возникали и каким образом они преодолевались, какое место они занимали в политическом контексте своего времени? Восполнить, хотя бы частично, этот пробел – задача настоящих воспоминаний.

Их формат не позволяет, к сожалению, рассказать о всех проблемах, которые рассматривались и решались на переговорах.

Некоторые из обойденных вопросов заслуживают хотя бы упоминания. Это, прежде всего, проблемы крылатых ракет морского базирования (КРМБ) и *возвратного потенциала*. Первая проблема была решена вне текста договора. Вторая – в тексте. Его положения достаточно надежно препятствуют увеличению числа ядерных боезарядов в случае выхода одной из сторон из договора.

СНВ–ПРО

Самая главная проблема, которая возникла с самого начала переговоров и висела над ними дамокловым мечом, заключалась в различных подходах сторон к взаимосвязи между договором по СНВ и договором по ПРО. Эта проблема остро обсуждалась на встрече М.С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом в Женеве (19–21 ноября 1985 года). Она же оказалась роковой на их встрече в Рейкьявике (11–12 октября 1986 года), где стороны были близки к принципиальной договоренности, но, разойдясь по этой проблеме, не смогли такую договоренность зафиксировать. На следующей, вашингтонской встрече (7–10 декабря 1987 года), стороны достигли *словесного* компромисса, но, отнюдь, не договоренности по существу (см. ниже). Вопрос о взаимосвязи наступательных и оборонительных стратегических вооружений остро стоит и в настоящее время, в связи с намерением США развернуть стратегическую систему ПРО, что запрещено договором по ПРО.

Суть разногласий заключалась в следующем.

Советская сторона исходила из неразрывной связи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, справедливо считая, что стратегический баланс сил между ними определяется и теми, и другими. До 1983 года и американская сторона придерживалась такой же позиции.

Однако позиция США изменилась после того, как в марте 1983 года президент США Рейган выступил со «Стратегической оборонной инициативой» (СОИ). Идея ракетонепробиваемого щита довольно скоро была скорректирована. Когда в январе 1989 года президентом стал Дж. Буш, он трансформировал СОИ в значительно более скромную программу – «Глобальную защиту от ограниченных ударов» (ГЗОУ). Теперь речь пошла о перехвате не более 200 боеголовок. Тем не менее, создание оборонительной стратегической системы даже ограниченного характера, несомненно, повлияло бы на

стратегическое соотношение сил, так как такая система нейтрализовала бы какую-то часть межконтинентальных баллистических ракет другой стороны.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны, заключенный между СССР и США в 1972 году, был основным международно-правовым препятствием на пути осуществления как СОИ, так и ГЗОУ: его главным положением является запрет на развертывание системы ПРО для защиты территории своей страны и на создание базы для такой обороны. Конечно, США могли выйти из этого договора. С чисто юридической точки зрения проблем не было: им надо было лишь уведомить другую сторону о принятом решении за шесть месяцев до выхода и представить соответствующие обоснования. Такая возможность предусматривается договором по ПРО в статье XV.

Советская сторона с самого начала переговоров по СНВ поставила вопрос о том, чтобы СССР и США приняли на себя обязательство не пользоваться этим правом на выход из договора по ПРО в течение пятнадцати лет. В Рейкьявике в октябре 1986 года во время встречи президентов СССР и США советская сторона, стремясь найти компромиссное решение, сократила этот срок до 10 лет. Как уже упоминалось выше, несогласие американской стороны с этим предложением заблокировало договоренность по всему комплексу военно-политических вопросов.

Другим камнем преткновения была попытка США дать так называемое *широкое толкование* договору по ПРО, которое позволило бы им проводить внелабораторные разработки и испытания в порядке подготовки к развертыванию запрещенной договором оборонительной системы. Советский Союз отвергал такое толкование как неправомерное.

На вашингтонской встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана в декабре 1987 года, проходившей в эйфорической атмосфере (*Горби* был в зените своей зарубежной популярности), удалось согласовать для совместного заявления несколько положений, касавшихся договора по ПРО. Это был шедевр иллюзорного компромисса, когда с помощью чисто словесных ухищрений совмещается несовместимое, без изменения первоначальных позиций, и стороны толкуют согласованные компромиссные формулировки в соответствии с этими позициями. Вот

основная часть этого пассажа: «С учетом подготовки договора по СНВ, руководители двух стран поручили также своим делегациям в Женеве выработать договоренность, которая обязала бы стороны соблюдать договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 году, в процессе осуществления исследований, разработок и при необходимости испытаний, которые разрешаются по договору по ПРО, и не выходить из договора по ПРО в течение согласованного срока»⁵.

Советская сторона толковала эту формулу как подтверждение обязательства соблюдать договор по ПРО в его неизменном виде, исключая проведение внелабораторных разработок и испытаний, связанных с ПРО, а американская сторона вкладывала в нее смысл, согласно своему *широкому толкованию* договора по ПРО, в соответствии с которым они могли бы проводить разработки и испытания, запрещенные этим договором. Такие диаметрально противоположные толкования сохраняли существовавший тупик. Кроме того, отодвигался вопрос и о сроке, в течение которого стороны обязались бы не выходить из договора по ПРО. Смысл формулы заключался лишь в том, что она, создавая иллюзию договоренности, как бы оправдывала целесообразность продолжения переговоров.

Требования советской стороны о юридическом фиксировании объективно существующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями были справедливы, но не реалистичны ввиду той силы политической инерции, которую набрала в США программа ПРО (СОИ, а затем – ГЗОУ). Более эффективным путем противодействия этой программе, а, следовательно, новому витку гонки вооружений, было заключение договора по СНВ – при снятии требования о его юридической увязке с договором по ПРО. Но к этому мы пришли позже.

А пока на переговорах каждая из сторон продолжала свою линию. Советская сторона положила на стол переговоров проект «договора о соблюдении договора по ПРО и невыходе из него в течение согласованного срока», а американская – проект «соглашения о некоторых мерах, содействующих переходу на основе сотрудничества к развертыванию будущей обороны против баллистических ракет». И хотя и в советском, и в американском документах речь шла о невыходе из договора по ПРО в течение

согласованного срока, сами заголовки документов достаточно красноречиво говорили о принципиально различных подходах. Достаточно сказать, что в советском документе речь шла о стремлении «не допустить возникновения ситуаций, которые могли бы явиться основанием для одной из сторон считать себя свободной от обязательств по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (то есть не нарушать договор по ПРО и не выходить из него), а в американском – о стремлении «создать ситуации, которые могли бы привести к развертыванию эффективной обороны (то есть пересмотреть договор по ПРО или порвать его) и еще более стабилизирующим сокращениям стратегических наступательных вооружений, чем те, которые связаны с обязательствами по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений».

При подготовке к встрече министров иностранных дел СССР и США, которая должна была состояться в сентябре 1989 года в Вайоминге, основное внимание в Москве было уделено проблеме взаимосвязи СНВ и ПРО. Советская делегация отправилась в США, имея в своем портфеле предложения, которые позволяли вывести подготовку договора по СНВ из принципиального тупика, что и было достигнуто.

Главный результат встречи был сформулирован в совместном заявлении министров следующим образом: «В отношении вопросов ПРО и космоса советская сторона предложила новый подход, направленный на решение этой важной проблемы. Обе стороны согласились, что советский подход открывает путь к достижению и осуществлению договора по СНВ без заключения договора по обороне и космосу. Стороны согласились отказаться от подхода, связанного с обязательством о невыходе, продолжая в то же время обсуждение путей обеспечения предсказуемости развития советско-американского стратегического отношения в условиях стратегической стабильности в целях уменьшения риска ядерной войны. Американская сторона заявила, что она внимательно изучит другие аспекты советского подхода в целом»⁶.

Посмотрим, что стояло за этой формулой.

Важным достижением было то, что американская сторона согласилась с

возможностью заключения договора по СНВ без заключения соглашения по обороне и космосу, который мы отвергали в принципе. С нашей стороны было заявлено, что в целях скорейшего заключения договора по СНВ Советский Союз будет готов пойти на подписание этого договора и в том случае, если к завершению его разработки не будет достигнута договоренность по проблеме ПРО, но стороны продолжали бы соблюдать договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 году. Американцам было предложено подготовить согласованное понимание о том, что уже зафиксированное в проекте договора по СНВ положение о праве сторон выйти из него в случае угрозы их высшим интересам подразумевало бы и право на выход из этого договора в случае нарушения одной из сторон договора по ПРО. Они, разумеется, отказались от такого согласованного понимания. Тогда, в соответствии с запасной позицией, предусмотренной нашими инструкциями, мы заявили, что советская сторона в одностороннем порядке выразит свое понимание на этот счет.

Разумеется, американцы подтвердили для протокола свою позицию, которая впоследствии легла в основу их заявления перед подписанием договора. Но они не выдвинули возражений против продолжения переговоров и заключения договора по СНВ на тех условиях, которые оговорила советская сторона, то есть на условиях решения проблемы путем односторонних заявлений, фиксирующих противоположные позиции сторон.

Этот результат в конечном счете и послужил ключом к решению проблемы взаимосвязи СНВ и ПРО. Накануне подписания договора по СНВ советская сторона, сняв свои предложения о каком-либо упоминании в его тексте договора по ПРО, включила в официальные материалы переговоров свое заявление о том, что договор по СНВ может быть эффективным и жизнеспособным только в условиях соблюдения договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 году, и предупредила о возможности своего выхода из договора по СНВ в случае выхода США из договора по ПРО или его существенного нарушения.

Американская сторона сделала свое заявление, в котором выразила сомнение в юридической и военной обоснованности выхода СССР из договора по СНВ в случае «гипотетического выхода» США из договора по ПРО. Вместе с

тем, в этом же заявлении США подтвердили зафиксированное в договоре по СНВ право СССР на выход из него в случае, если Советский Союз сочтет, что его высшие интересы поставлены под угрозу. Там же американская сторона оговорила, что согласованные сторонами изменения в договоре по ПРО не были бы основанием для того, чтобы ставить под вопрос эффективность или жизнеспособность договора по СНВ.

Переходя на более гибкую позицию в вопросе об увязке двух договоров, советская сторона исходила из того, что само заключение договора по СНВ будет работать против американских планов создания ПРО всей территории страны. Конечно, «после того не значит вследствие того». И тем не менее, после подписания договора СНВ-1 настойчивость США в отношении подготовки национальной ПРО и, соответственно, слома договора по ПРО заметно пошла на убыль. В первое президентство Б. Клинтона этот вопрос был снят: новая администрация сосредоточилась на нестратегических системах ПРО и на разграничении стратегической и нестратегической ПРО в рамках договора по ПРО. Договоренность на этот счет была достигнута между США и Россией в 1997 году. В дальнейшем, как известно, позиция США в отношении договора по ПРО изменилась в обратную сторону, но это уже другая история. Для нашей темы важно то, что вайомингская договоренность позволила продолжать переговоры, и в конечном счете заключить договор по СНВ.

Что засчитывается по договору, как засчитывается, что уничтожается, что не уничтожается и что не засчитывается

В качестве основных уровней, до которых должны быть доведены стратегические наступательные вооружения каждой стороны договор устанавливает:

- a) «1600 единиц для развернутых МБР и связанных с ними пусковых установок, развернутых БРПЛ и связанных с ними пусковых установок и развернутых тяжелых бомбардировщиков»;
- b) «6000 единиц для боезарядов, которые числятся за развернутыми МБР, развернутыми БРПЛ и развернутыми тяжелыми бомбардировщиками». За этими краткими положениями стоят длительные и сложные дискуссии и напряженный поиск взаимоприемлемых формулировок.

Прежде всего, возник вопрос об определении МБР и БРПЛ. МБР была определена как

«баллистическая ракета наземного базирования с дальностью свыше 5500 км»⁷. 5500 км – это наименьшее расстояние между северо-восточной границей континентальной территории США и северо-западной границей континентальной территории СССР. Была также учтена необходимость стыковки с заключенным в 1987 году Договором о ракетах средней и меньшей дальности, который запретил ракеты с дальностью 500–5500 км. БРПЛ была определена как «баллистическая ракета с дальностью свыше 600 км того или иного типа, какая-либо из ракет которого содержалась на подводной лодке или использовалась для запуска с подводной лодки»⁸. Рубеж в 600 км был использован для разграничения стратегических и тактических средств морского базирования, которые не охватывались договором.

Следующий вопрос, который пришлось решать: что засчитывать – ракеты или пусковые установки (ПУ)? Иными словами, что важнее для определения боеспособности – количество винтовок или пуль? Конечно, ПУ – не винтовка, но и из нее можно выпустить не одну ракету.

Эти споры удалось завершить в сентябре 1989 года в ходе встречи министров в Вайоминге. В Совместном заявлении говорилось на этот счет: «Стороны также договорились о том, что в контексте уровня в 1600 носителей баллистические ракеты будут определяться как сочетание ракет и связанных с ними пусковых установок, что, таким образом, позволяет решить давнишнюю проблему»⁹. Таким образом, каждая ракета (МБР и БРПЛ) и связанная с ней ПУ засчитывалась как одна единица. Тем не менее, если ракета удалена из своей ПУ, такая ракета продолжает рассматриваться как содержащаяся в этой ПУ.

Особенно сложные проблемы возникли с засчетом воздушного компонента. Прежде всего, нужно было определить, что такое стратегический, или, по терминологии договора, «тяжелый бомбардировщик» (ТБ). К ним решили относить бомбардировщики того или иного типа, какой-либо из бомбардировщиков которого отвечает какому-либо из следующих критериев: его дальность составляет более 8000 км; или он оснащен для ядерных КРВБ большой дальности¹⁰. Это определение содержит еще целый ряд технических уточнений. Тем не менее, для полной ясности существующие типы ТБ перечислены в тексте договора (ст.3). Для СССР (России) – это Ту-95 (*Wear* – по западной

терминологии) и Ту-160 (*Blackjack*). Для США – В-52, В-1 и В-2.

Каждый развернутый тяжелый бомбардировщик, независимо от того, оснащен он для ядерных вооружений или нет, засчитывался как единица в уровень 1600 носителей. В соответствии с этим правилом, в этот засчет попадал самолет В-2, который на момент подписания договора не был заявлен как оснащенный для ядерных вооружений.

США настаивали на включении в категорию ТБ, подлежащих засчету, также самолета Ту-22М, известного на Западе как *Backfire*. Советская сторона отказалась это сделать, поскольку по своей дальности действия Ту-22М не может достигать американской территории и, следовательно, не относится к стратегическим.

Эта проблема возникла еще в ходе переговоров по ОСВ-2 в 1972–1979 годах. Тогда этот самолет не был включен в договор ОСВ-2. Как известно, этот договор не был ратифицирован Соединенными Штатами. При обсуждении его в Сенате невключение *Backfire* в договор было одним из предметов острой критики договора. Это обстоятельство придавало вопросу об этом самолете особую остроту на переговорах по СНВ.

В конечном счете вопрос был решен так: советская сторона сделала заявление, что она не будет придавать среднему бомбардировщику Ту-22М способность действовать на межконтинентальную дальность каким-либо образом, включая дозаправку в воздухе¹¹, и что число этих самолетов не будет превышать 500 в каждый данный момент; в ответ американцы согласились не включать его в договор.

Еще более сложной оказалась проблема засчета ядерных вооружений ТБ по боезарядам (6000 единиц).

Но прежде необходимо пояснить, что боезаряд в договоре по СНВ – понятие условное, используемое для подсчета стратегических ядерных вооружений. Боезаряды подсчитываются, но договор не требует их уничтожения. В течение ряда лет, вплоть до осени 1990 года, советская сторона настаивала на их уничтожении. Однако осуществление этого требования осложнялось тем, что для уничтожения ядерных боезарядов, содержащих высокорadioактивные расщепляющиеся вещества (уран-235 или

плутоний-239), требовались совершенно иные процедуры уничтожения и контроля, чем для уничтожения ракет, ПУ и самолетов. В конечном счете договорились оставить физическое уничтожение ядерных боезарядов на усмотрение каждой из сторон¹².

В отношении МБР и БРПЛ условились засчитывать столько боезарядов, сколько числится за каждым типом в Меморандуме о договоренности об установлении исходных данных. А вот как засчитывать боезаряды за ТБ?

В конечном счете была разработана довольно сложная формула условного засчета. Как она была разработана и как были решены другие вопросы, связанные с воздушным компонентом, это тема следующего раздела.

Тяжелые бомбардировщики и их ядерные вооружения

В отношении ТБ приходилось учитывать, что они вооружены и ядерными вооружениями, и неядерными, и крылатыми ракетами большой дальности, и ракетами ближнего действия, и бомбами свободного падения. Разумеется, степень эффективности этих вооружений различна. Для пуска ядерной КРВБ большой дальности не требуется, чтобы несущий ее самолет, приближаясь к цели, преодолевал ПВО противника. Будучи в состоянии преодолевать расстояние до 2,5 тыс. км, КРВБ может быть пущена с самолета по дальней цели из безопасной зоны. Благодаря низкой траектории полета (50–100 м над поверхностью Земли) и небольшой отражающей поверхности, она с трудом поддается обнаружению радаром. Бомба же свободного падения должна быть сброшена практически над целью, что делает несущий ее самолет уязвимым для средств ПВО.

На встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике в 1986 году американцы добивались того, чтобы в засчет по боезарядам попадали только ядерные КРВБ большой дальности¹³. Советская сторона, естественно, настаивала на охвате всех ядерных вооружений ТБ. Там же, в Рейкьявике, было условлено, что ядерные вооружения, не являющиеся ядерными КРВБ большой дальности, будут засчитываться за каждым ТБ, оснащенным для таких вооружений, как один боезаряд, сколько бы их ни было на ТБ. Что же касается правил засчета ядерных КРВБ большой дальности, то было признано, что они должны быть другими, а какими именно – это предстояло определить в ходе последующих переговоров.

На вашингтонской встрече президентов прогресса по этому вопросу достигнуто не было. В советско-американском заявлении от 10 декабря 1987 года эта задача ставилась в качестве одной из первоочередных. Делегации определяют конкретные правила в этой области, – говорилось в заявлении. В совместном заявлении по визиту Р. Рейгана в Москву в мае 1988 года вскользь упоминалось, что в ходе встречи удалось значительно расширить области согласия, в частности, по вопросу о КРВБ. Некоторое расширение областей согласия, действительно, произошло, в первую очередь, за счет договоренности, что все существующие КРВБ в обычном оснащении должны быть отличимы от ядерных. Однако до решения проблемы было еще далеко.

После полугодичного перерыва делегации съехались в июне 1989 года в Женеву, имея в своих портфелях по засчету КРВБ большой дальности далеко расходящиеся друг от друга позиции. Мы настаивали на их засчете по реальной максимальной оснащенности каждого типа ТБ, с ограничением и контролем развернутых и неразвернутых КРВБ и с установлением подуровня в 1100 единиц для вооружений ТБ (в рамках общего уровня в 6000 боезарядов). Американцы добивались засчета 10 КРВБ за каждым ТБ, независимо от его типа, и отвергали ограничительные подуровни для ТБ. Оставался также нерешенным вопрос о том, что такое КРВБ большой дальности. Мы, ссылаясь на возможности нашей ПВО, настаивали на том, что их минимальная дальность должна быть 600 км, американцы требовали 1500 км.

Наши предложения о засчете КРВБ по максимуму и особенно о подуровне в 1100 единиц для боезарядов на ТБ заставили бы США более чем в три раза сократить флот своих ТБ, и почти не подвергли бы ограничениям наш воздушный компонент. В то же время американские предложения, в случае их принятия, давали бы им крупный довесок к уровню 6000 боезарядов. Поясним это следующими расчетами.

На 1 сентября 1990 года, по данным, приведенным в Меморандуме о договоренности об исходных данных, СССР располагал 162 ТБ, из них 99 были оснащены КРВБ большой дальности (57 единиц – *Ту-95МС16*, 27 единиц – *Ту-МС6* и 15 единиц – *Ту-160*). У США имелось 576 ТБ, в том числе 189 с КРВБ (96 единиц – *В-52G* и 93 единицы – *В-52Н*).

Наши самолеты *Ty-95MC16* могли нести 16 КРВБ, *Ty-95MC6* – 6 и *Ty-160* – 12. Таким образом, максимальное количество КРВБ на наших ТБ составляло 1254 единицы. Если к ним добавить ТБ без КРВБ, каждый из которых по уже достигнутой договоренности должен засчитываться за единицу, всего получалось 1317.

У США самолеты типа В-52G оснащены для 12 КРВБ, типа В-52Н20. Таким образом, максимальное количество КРВБ, которое могли поднять американские ТБ в 1990 году, составляло 3012 единиц. С учетом других ТБ общее число боезарядов составило бы 3397.

Таким образом, по нашей позиции США должны были бы сократить своей воздушный компонент на 2297 боезарядов (3397 минус 1100), а мы – на 217 (1317 минус 1100). При этом для каждой стороны ее 1100 боезарядов входили бы в общий уровень 6000 боезарядов.

По американской позиции засчет выглядел бы следующим образом. Для США: 1890 КРВБ, плюс 385 не КРВБ, всего 2275 (эта цифра входила бы в 6000 боезарядов; но помимо этого, США могли бы иметь еще 1122 неучтенных ядерных КРВБ большой дальности). Для СССР: 990 КРВБ, плюс 63 неКРВБ, всего 1053 (сверх этой зачтенной цифры СССР имел бы 264 КРВБ большой дальности). Таким образом, перевес США составил бы 858 КРВБ большой дальности. Помимо этого, ввиду их преимущества также и по ТБ, оснащенным ракетами меньшей дальности и ядерными бомбами (385 против наших 63), этот перевес возрастал бы еще более.

Полгода переговоров прошли без сдвигов в вопросе о КРВБ. С тем стороны и пришли к московской встрече министров 7–9 февраля 1990 года.

На эту встречу американцы привезли новые предложения. Они предусматривали засчет за каждым В-52 и каждым В-1, оснащенными для КРВБ, по 10 боезарядов. За каждым *Ty-95* и каждым *Ty-160*, оснащенным для КРВБ, засчитывалось бы по восемь боезарядов. За будущими ТБ – и американскими, и советскими – засчитывалось бы по 10 боезарядов. Вместе с тем, предполагалось установить предел на оснащение ТБ для КРВБ – не более чем в два раза по сравнению с засчитываемым числом КРВБ. Таким образом, максимальное число для американских бомбардировщиков составило

бы 20, а для советских – 16 единиц. Тем самым американцы в некоторой степени учли то обстоятельство, что советские бомбардировщики по объективным причинам не могут взять такой же груз, как американские. Ведь американские самолеты могут совершать посадку для дозаправки на американских базах вблизи советской территории, а советские бомбардировщики аналогичной возможности не имеют.

Чем было вызвано такое усредненное правило засчета, допускавшее оставление вне предела в 6000 боезарядов определенного количества КРВБ, и было ли оно оправдано? Американцы аргументировали его тем, что хотя теоретически ТБ может поднять и 20, и даже более КРВБ, но на практике этого не произойдет, так как каждая лишняя крылатая ракета съедает примерно 700 км дальности ТБ. В реальной жизни, говорили они, на американских ТБ может быть как минимум восемь КРВБ (в роторной установке, которая, находясь в фюзеляже, не сказывается на аэродинамических качествах самолета), а на внешних подвесках – еще примерно четыре КРВБ. Увеличение их числа при загруженности самолета другими видами вооружений – ракетами малой дальности, ядерными бомбами – практически невозможно. То же самое, как считали американцы, справедливо и по отношению к советским ТБ с поправкой в меньшую сторону – с учетом географического фактора.

В качестве критерия дальности для определения КРВБ большой дальности американцы впервые официально назвали 1000 км, вместо прежних 1500 км.

Они принимали наше предложение о контроле, который позволял бы отличать неядерные КРВБ от ядерных. Он должен осуществляться не только с помощью национальных технических средств, но и путем инспекций на месте. Для этого требовалось, чтобы неядерные ракеты содержали и внешние отличия, и такие отличия, которые могли бы увидеть инспектора.

США подтверждали неприемлемость для них наших предложений о подуровне в 1100 единиц для вооружений ТБ и ограничений для неразвернутых КРВБ, ракет малой дальности и бомб.

Новые американские предложения, несмотря на некоторый сдвиг в нашу сторону,

обеспечивали США вне зачетного числа значительно больше ядерных боезарядов на ТБ, чем могли бы иметь мы. Тупик сохранялся.

На следующий день Дж. Бейкера принимал М.С. Горбачев. В ходе беседы госсекретарь вновь изложил свои предложения по КРВБ. Как впоследствии вспоминал С.Ф. Ахромеев, М.С. Горбачев ответил Бейкеру: «Мы рассмотрим вашу позицию. Я поручаю заняться этим С.Ф. Ахромееву¹⁴. Сегодня вечером пусть встретятся представители делегаций. Наш ответ на ваши предложения будет»¹⁵. После этой беседы М.С. Горбачев сказал: «Больше двух лет на переговорах по КРВБ никакого движения нет. Нужно какое-то решение находить. Попробуйте вы (Шеварднадзе и Ахромеев) вместе с Зайковым и Язовым с учетом предложения Дж. Бейкера найти какое-то решение, которое устроило бы обе стороны»¹⁶.

Положение, в котором оказался С.Ф. Ахромеев, было, конечно, сверхсложным. За считанные часы ему предстояло выполнить то, что не смогли осуществить в течение месяца несколько министерств и ведомств. Как он свидетельствует в своих воспоминаниях, советские контрпредложения по КРВБ готовились им совместно с Зайковым с помощью работников его аппарата (мидовские и военные эксперты были заняты обсуждением других вопросов с американцами)¹⁷. Очевидно, этим цейтнотом и объясняются те недоработки, которые оказались в подготовленных предложениях, дезавуированных впоследствии советской стороной¹⁸.

Американцы готовы были принять эти предложения, но категорически заявили о неприемлемости 600 км в качестве рубежа для определения большой дальности (это предложение фигурировало в качестве одного из элементов в пакете Ахромеева). Бейкер ссылаясь на то, что позиция США уже сдвинулась с 1500 до 1000 км, а советская позиция застыла на 600 км. Что в Вашингтоне его не поймут, если он пойдет еще дальше, что советская система ПВО гораздо лучше американской и т.д., и т.п.

Со своей стороны, Ахромеев клялся, что по критерию дальности у нас нет в запасе ни одного километра, что договоренность в Рейкьявике относительно зачета на ТБ боезарядов, не являющихся ядерными КРВБ, дала США более 1000 лишних боезарядов, а

сейчас мы пошли им навстречу по зачету КРВБ, что добавило к их преимуществу еще 1100 боезарядов, и т.д.

Эта наша позиция подкреплялась вескими аргументами. Говорилось, что рубеж в 600 км обусловлен тем, что вся система ПВО СССР была построена на этой основе (этот рубеж был согласован еще в 1973 году для договора ОСВ-2). Предельный радиус действия советских самолетов-перехватчиков составлял 600–660 км, а дальность действия зенитно-ракетных комплексов не превышала 400 км. Причем эти средства эффективны только против бомбардировщиков, но не против крылатых ракет, которые почти невидимы для радиолокационных средств¹⁹. Верно было и то, что в результате согласованных правил зачета боезарядов США получали преимущество более, чем в 2100 единиц.

Вообще, дискуссия была эмоциональной и сумбурной.

Наконец, Бейкер пошел с последнего козыря, заявив, что был бы готов попробовать договориться на основе дальности в 800 км.

Наступила пауза. Все – и американцы, и мы – понимали, что этот ход ставит нас в сложное положение: на переговорах невозможно все время говорить нет, особенно если другая сторона своими практическими шагами демонстрирует свое стремление к договоренности. Однако затем Ахромеев вновь заявил, что рубеж дальности в 600 км был согласован еще в Рейкьявике.

Призванные Бейкером в свидетели сотрудники американской делегации, участвовавшие в рейкьявических переговорах, в один голос заявили, что не помнят такой договоренности.

Согласовав совместное сообщение о результатах переговоров, делегации разъехались. В отношении КРВБ в заявлении говорилось: что касается крылатых ракет воздушного базирования, стороны достигли значительного прогресса, договорившись на основе пакетного подхода по всем оставшимся вопросам, за исключением вопроса о рубеже дальности.

Следующим этапом должна была стать вашингтонская встреча министров (она состоялась 4–6 апреля 1990 года). На эту встречу советская делегация поехала с такими жесткими директивами, что нечего было и думать о продвижении к договоренности по

КРВБ (эти директивы дезавуировали наши предложения по засчету КРВБ, выдвинутые в Москве).

Утром 5 апреля на встрече министров Дж. Бейкер в резкой форме охарактеризовал наши предложения как движение вспять, ставящее под угрозу июньскую встречу президентов.

После Вашингтонской встречи, в конце апреля – начале мая 1990 года, между сторонами происходил обмен предложениями по проблеме КРВБ–ТБ, в результате чего наметилось сближение позиций. Но во всех вариантах решения США исходили из того, что критерий дальности для КРВБ должен быть не меньше 800 км, мы же по-прежнему настаивали на 600 км.

16 мая в Москве, в особняке МИДа на ул. Ал. Толстого, началась очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. Два дня – 17 и 18 мая – американские и наши эксперты бились над узлом проблем КРВБ–ТБ, приводя к единому знаменателю договоренности, наметившиеся в начале мая. Вроде бы, все получалось, за исключением рубежа дальности.

Выше уже говорилось о том, что стояло за нашей неуступчивостью. Была своя причина и у американцев. В США готовилась в производство крылатая ракета *Tacit Rainbow*, которую не предполагалось оснащать ядерными боеголовками и дальность действия которой должна была быть более 600, но менее 800 км. В случае установления критерия в 600 км, эта ракета рассматривалась бы как ядерная.

Поздно вечером 18 мая переговоры были прерваны, и американцы отправились в свое посольство докладывать Бейкеру о положении дел. Настроение было мрачное. Договоренность, которая, казалось бы, уже забрезжила, не получалась. Условились, что будем ждать реакции Бейкера на следующее утро.

К 8.00 19 мая, в субботу, вся наша команда была в особняке. Стали перебирать возможные варианты на случай отказа американцев от рубежа в 600 км. Что делать в этом случае? Не рассматривался лишь один вариант – о нашем отказе от этого рубежа. Собственно говоря, от американской стороны требовалось, чтобы она, наконец, официально приняла рубеж дальности в 600 км и дала заверения в том, что крылатая ракета *Tacit Rainbow* не будет нести

ядерных зарядов. В этом случае советская сторона, в порядке исключения, соглашалась бы рассматривать ее как неядерную.

Между тем, до отлета Бейкера из Москвы оставалось несколько часов, а ответа от него все не было.

И вот, наконец, когда томительное ожидание достигло предела, из американского посольства прибыл гонец с ответом. Дж. Бейкер подтверждал, что *Tacit Rainbow* является неядерной ракетой и давал согласие на то, что если неядерная КРВБ когда-либо была бы превращена в ядерную, в этом случае на эту ракету распространялись бы все ограничения договора СНВ, относящиеся к ядерным КРВБ. Эти заверения давали нам возможность сделать исключение для *Tacit Rainbow*, не засчитывая ее в число ядерных боезарядов, а американцы согласились, наконец, с тем, что 600 км – это минимальный рубеж для определения большой дальности применительно к КРВБ.

Конечно, сейчас все эти тревожения могут показаться сильно преувеличенными и попросту странными. Совсем другие, гораздо более крупные, заботы волнуют людей. Да и от самой ракеты *Tacit Rainbow*, причинившей столько хлопот на переговорах, США вскоре полностью отказались, прикрыв программу.

И тем не менее, в истории переговоров по стратегическим вооружениям это был один из драматических моментов. Он разрешился тем, что США приняли нашу позицию по рубежу дальности, которую мы отстаивали с самого начала переговоров.

Вообще, надо сказать, американцы на всех уровнях – очень жесткие переговорщики. Но поняв, что уперлись лбом в твердую стену, они, как правило, проявляют гибкость и находят разумные решения.

Остается рассказать, как в конечном счете договорились засчитывать боезаряды за КРВБ большой дальности. Договор предусматривает уровни – 180 ТБ для СССР с засчетом в пределах этого уровня по восемь КРВБ, и 150 ТБ – для США с засчетом по 10 КРВБ. Сверх этих уровней засчет ведется по максимальной реальной оснащенности. Максимальная оснащенность для США – 20 КРВБ, для СССР – 16 КРВБ. Такой порядок засчета дал, конечно, США определенное преимущество, но не столь большое, какого они добивались вначале.

Тяжелые МБР

На протяжении всех долгих лет, пока велись переговоры, вплоть до их заключительного этапа, вопрос о тяжелых МБР крайне болезненно воспринимался американцами. Дело в том, что эти ракеты были только у нас и, как видно, они представляли грозную опасность для США.

Еще на ранней стадии переговоров стороны условились, что к тяжелым МБР, на которые должны вводиться более жесткие ограничения, относились бы ракеты со стартовым весом, превышающим 106 т. Почему был установлен такой рубеж? Чисто прагматически. Первоначально американцы предлагали, чтобы рубеж проходил немного выше стартового веса их ракеты *MX (Peacekeeper)* – 88,1 т. Тогда все американские ракеты относились бы к легким, а три типа наших ракет – к тяжелым. Договорившись о рубеже для тяжелых ракет в 106 т, мы тем самым включили в категорию легких наши ракеты РС-18 (СС-19) и РС-22 (СС-24), стартовый вес которых был несколько меньше 106 т²⁰.

Таким образом, к тяжелым ракетам был отнесен только один тип, имевшийся у нас, – огромная МБР РС-20 (СС-18), со стартовым весом 211,1 т. 308 таких ракет, с дальностью действия 11 тыс. км, оснащенных 10 мощными боеголовками (500–550 кт каждая)²¹, представляли, несомненно, грозную силу. А большой забрасываемый вес (8,8 т – более чем в два раза больше, чем у самой тяжелой американской МБР *MX*) создавал хорошие возможности для повышения эффективности ракеты РС-20 в плане преодоления средств ПРО.

Американцы с самого начала разработки договора по СНВ попытались добиться полного запрещения и уничтожения ракет РС-20. Для обоснования такой позиции они ссылались на то, что это самый дестабилизирующий вид СНВ. Иными словами, в кризисной ситуации, когда дело дойдет до глобального конфликта, именно они выстрелят первыми, так как в противном случае их шахтные ПУ (ШПУ) будут подавлены первым ядерным ударом противника, причем одной боеголовки, ну максимум двух – для подстраховки, достаточно для того, чтобы уничтожить сразу десять мощных боеголовок. Это, мол, обстоятельство делает тяжелые ракеты особо привлекательной целью для первого ядерного удара, что в свою очередь побудит сторону,

обладающую такими ракетами, не дожидаясь удара, самой нанести его этими ракетами.

Определенная логика здесь была, но она применима отнюдь не только к тяжелым ракетам, а к любым многозарядным МБР шахтного базирования.

Как бы то ни было, советская сторона дала согласие на пятидесятипроцентное сокращение тяжелых ракет: с 308 до 154 (к концу предусмотренного договором семилетнего периода уничтожения СНВ). Эта договоренность была достигнута на рейкьявикской встрече на высшем уровне в 1986 году и затем зафиксирована в совместном заявлении М.С. Горбачева и Р. Рейгана по результатам их следующей встречи – в Вашингтоне в декабре 1987 года (в Рейкьявике согласовать каких-либо совместных документов не удалось).

Тем не менее, американцы не считали вопрос о тяжелых МБР решенным и продолжали добиваться дальнейших ограничений на них, которые привели бы остающиеся 154 ракеты к постепенному вымиранию. Речь шла о запрете на их летные испытания и модернизацию, что, действительно, привело бы к невозможности поддержания этих МБР в боеспособном состоянии.

Договориться о тяжелых ракетах удалось лишь в начале октября 1990 года во время нью-йоркской встречи министров иностранных дел СССР и США. Американцы согласились не настаивать на запрете на летные испытания и модернизацию тяжелых МБР, а советская сторона пошла на их некоторые ограничения (в дополнение к половинному сокращению ракет РС-20, договоренность о чем была достигнута ранее). В результате в договор был включен запрет на создание новых типов таких ракет (с сохранением возможности модернизации существующих типов без увеличения их стартового и забрасываемого весов), мобильных ПУ тяжелых МБР и тяжелых БРПЛ. Запрещалось понижать засчитываемое за тяжелой МБР количество боезарядов (10 единиц), хотя, разумеется, не возбранялось понижать это число в реальности (если тяжелая МБР была бы оснащена вместо 10 боезарядов, скажем, тремя, за ней все равно засчитывалось в суммарный уровень 6000 единиц 10 боезарядов). Наконец, не допускалось создание дополнительных ШПУ тяжелых МБР, кроме как вместо ликвидированных.

Таким образом, эти ограничения касались в основном не существующих типов, а будущих, гипотетических вариантов.

Эта договоренность была достигнута на уровне глав делегаций, и ее еще предстояло представить министрам на утверждение. Глава американской делегации Р. Берт согласился рекомендовать Дж. Бейкеру принять всю договоренность по тяжелым МБР как пакет, включая возможность передислокации, но сказал при этом, что, по его мнению, Бейкер наверняка поставит вопрос, зачем советской стороне нужна эта передислокация.

Инструкции советской делегации предписывали добиваться возможности передислокации ШПУ, но не давали какой-либо мотивировки.

Глава советской делегации ответил, что необходимость передислокации может возникнуть как в результате возникновения аварийной обстановки из-за стихийных бедствий, например землетрясения, так и по причинам невоенного, политического характера.

Это неофициальное разъяснение вполне удовлетворило американскую сторону. Казалось бы, вопрос был исчерпан. Однако, к сожалению, он имел неприятное продолжение.

После встречи в Нью-Йорке делегации приступили в Женеве к переводу достигнутых принципиальных договоренностей по тяжелым ракетам на договорный язык. Эта работа шла довольно гладко, как вдруг Берт попросил срочно с ним встретиться и, с весьма встревоженным видом, сообщил следующее.

Министр обороны США Р. Чейни, находясь (уже после нью-йоркской встречи министров иностранных дел СССР и США) в Советском Союзе с визитом, завел разговор с советским министром обороны Д.Т. Язовым о том, почему, мол, Советский Союз хочет передислоцировать часть ШПУ тяжелых ракет. На что, будто бы, Д.Т. Язов ответил, что советская сторона не собирается этого делать. У Чейни возник вопрос: почему Бейкер согласился на возможность их передислокации, если у советской стороны нет в этом никакой необходимости? До разъяснения этого вопроса делегация США не может продолжать работу по переводу на договорный язык нью-йоркской договоренности в отношении тяжелых МБР.

Конечно, в результате такого ответа нашего министра обороны Бейкер, а вместе с ним и Берт, попали в щекотливое положение. Получалось, что и государственный секретарь, и руководитель делегации США пошли на неоправданные уступки Советскому Союзу. Сама по себе эта уступка была не Бог весть какой, но при желании вашингтонские противники договоренностей с Советским Союзом вполне могли использовать этот случай для осложнения переговоров.

С нашей стороны было выражено сомнение в правильности перевода или передачи слов Язова и предложено отложить обсуждение вопроса, пока не будет внесена ясность в то, что на самом деле было сказано Язовым. Кроме того, было сказано, что даже если Язов и произнес приписываемые ему слова, между ними и нашей официальной позицией нет противоречия, так как отсутствие у нас сейчас планов строительства новых ШПУ не может исключать нашего намерения сохранить на будущее возможность такого строительства для передислокации шахт в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, о которых мы говорили в Нью-Йорке. Вот если бы именно так сказал Язов, то и вопроса не возникло бы, отреагировал Берт.

В телеграмме, которая пошла в Москву с сообщением об обращении Берта, предлагалось, чтобы советский министр дал именно такое объяснение (в том случае, если американцы правильно воспроизвели слова, сказанные Язовым).

Москва прореагировала быстро: уже через несколько дней Д.Т. Язов направил Р. Чейни послание, в котором наотрез отрицалось то, что американцы услышали от Язова. Этот ответ еще больше усугубил ситуацию, так как бросал тень на добросовестность Чейни. Под угрозу был поставлен весь пакет договоренностей по тяжелым ракетам, согласованный в Нью-Йорке. Чтобы его сохранить, потребовалось еще одно послание, в котором говорилось, что сейчас у нас нет планов передислокации ШПУ тяжелых МБР, но что мы не можем исключать возникновения такой необходимости как в связи с возможными аварийными ситуациями, так и по соображениям невоенного характера, в частности, в связи с происходящими у нас в стране внутривнутриполитическими процессами.

Мобильные МБР

Этот вид стратегических вооружений, как и наши тяжелые МБР, также сильно беспокоил

США. Основная причина была та же: у нас эти ракеты были, а у американцев – нет, поэтому они стремились их запретить или, по крайней мере, наложить на них максимальные ограничения. Но в отличие от тяжелых МБР, которые американцы и не собирались иметь, проект создания мобильных стратегических ракет у них был, и вокруг него велась острая внутриполитическая борьба.

Но сначала о наших мобильных МБР. У нас на вооружении были два типа таких ракет – РС-22 (СС-24)²² и РС-12М (СС-25).

РС-22 – твердотопливная ракета железнодорожного базирования с десятью боеголовками, дальностью действия 10,1 тыс. км. Для этих ракет длиной 22,6 м, диаметром 2,4 м и весом 104,5 т были выстроены специальные вагоны с ПУ. Каждый состав состоял из 17 вагонов, включая три вагона с ПУ²³.

РС-12М – тоже твердотопливная ракета, но грунтового базирования. Каждая ракета снабжена одной боеголовкой. Дальность действия – 10 тыс. км. По размерам она почти такая же, как и ее железнодорожный собрат (21,5 м длиной и 2 м диаметром), а по весу полегче – более, чем в два раза (45 т)²⁴.

На 1 сентября 1990 года, когда СССР и США впервые обменялись данными о своих СНВ, у нас имелось в развернутом состоянии 33 мобильных МБР РС-22 и 288 РС-12М.

Разработки США в отношении мобильных систем велись по следующим направлениям. МБР *MX (Peacekeeper)* разрабатывалась не только в шахтном, но и в различных мобильных вариантах (в траншейном²⁵, железнодорожном, грунтовым). Существовала также программа малогабаритной МБР *Midjetman* в мобильном грунтовым варианте.

Эти программы встречали в США сильную оппозицию. Отражением этого, видимо, было то, что до сентября 1989 года на переговорах по СНВ США настаивали на полном запрещении мобильных МБР.

Только на встрече министров иностранных дел в Вайоминге 22–23 сентября 1989 года Дж. Бейкер объявил, что американская сторона снимает свое предложение о запрете на мобильные МБР, «в зависимости от решения Конгрессом США вопроса о финансировании американских мобильных МБР». Это изменение американской позиции было

зафиксировано в совместном заявлении министров²⁶. Оно стимулировало согласование положений о мобильных системах и соответствующем контроле. Американская сторона какое-то время вела эту работу, все время оговариваясь, что, мол, согласование такое она ведет условно, поскольку Конгресс еще не принял решения по мобильным МБР. С учетом этой неопределенности согласование положений по мобильным МБР велось отдельно – вне договорных текстов.

Официально и без каких-либо условий американская сторона сняла свою позицию, предусматривавшую запрет на мобильные МБР, в декабре 1989 года (после встречи М.С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте). Разработанные к этому времени положения были включены в договорные тексты, и их согласование продолжалось нормальным образом.

Итак, мобильные МБР получили права гражданства – наряду с шахтными МБР и другими СНВ. Такой подход к мобильным системам позволял нам не ломать сложившуюся за многие годы структуру СНВ, которая учитывала особенности географического положения нашей страны.

В ходе переговоров советская сторона добивалась того, чтобы мобильные МБР рассматривались на тех же основаниях, что и другие компоненты СНВ, хотя, разумеется, не отрицала того, что у каждого из этих компонентов, в том числе и у мобильных МБР, имеются свои особенности, которые требуют, в частности, специфических мер контроля.

Главная трудность согласования вопросов, связанных с мобильными МБР, заключалась в том, чтобы обеспечить эффективный контроль за их ограничением как за одним из компонентов СНВ, и не перейти ту линию, которая отделяет такой контроль от слежения за этим видом стратегических вооружений в разведывательных целях. А такой интерес со стороны, по крайней мере, части американской делегации, конечно, нами ощущался.

Возникали сложности и из-за того, что, разрабатывая режим ограничений и контроля для мобильных МБР, советская сторона, естественно, исходила из уже сложившейся у нас практики, а американцы – из своей концепции возможной будущей эксплуатации как железнодорожных, так и грунтовых МБР.

В отношении железнодорожных МБР американцы настаивали, чтобы железнодорожные станции базирования ограничивались по площади с общей протяженностью железнодорожного пути не более пяти километров. Если бы советская сторона на это пошла, ей пришлось бы перестраивать все три имевшиеся у нас в то время железнодорожные станции базирования, так как протяженность путей там была значительно больше. Кроме того, под контроль попадала бы территория, прилегающая к путям, но никакого отношения к СНВ и, следовательно, к договору не имеющая.

В отношении грунтовых мобильных ракет американцы стремились до предела ограничить территорию, по которой могли бы перемещаться советские РС-12М, а также установить такой режим уведомлений об их передвижениях, который позволял бы надежно следить за каждой из них со спутников.

Разумеется, нельзя было идти на остационирование мобильных ПУ МБР, что лишало бы их смысла. А что касается уведомлений, то тут поиск решения велся в том направлении, чтобы мобильные ракеты не находились под постоянным наблюдением противоположной стороны.

В конце концов договорились об определенных ограничениях на количества развернутых и неразвернутых мобильных МБР, а также на их передвижения. Эти ограничения не требовали их численного сокращения и соответствовали нашей практике в отношении передвижений.

Обо всех передвижениях должны делаться соответствующие уведомления. Правильность уведомлений проверяется с помощью национальных технических средств контроля (НТСК), то есть через специальные спутники. Собственно говоря, смысл уведомлений в том и состоит, чтобы повысить эффективность НТСК. С этой же целью, договором, помимо уведомлений, предусмотрены меры на основе сотрудничества – выставление под открытым небом (по запросу другой стороны) части мобильных – и грунтовых, и железнодорожных – ПУ МБР.

Разумеется, в отношении мобильных ПУ МБР применяются и инспекции, предусмотренные для СНВ в целом.

Контроль над соблюдением договора по СНВ

Рассказ о переговорах по СНВ был бы неполным без этого раздела. В то же время, для описания всех возникавших в деле контроля проблем и путей их преодоления потребовалось бы отдельное большое исследование. Ограничусь поэтому несколькими общими замечаниями.

До середины восьмидесятых годов для позиции Советского Союза по всем вопросам разоружения была характерна крайняя подозрительность в отношении мер контроля. В основе этого подхода были и общая закрытость советского общества, и мания секретности, и, наконец, стремление отдельных ведомств, связанных с обороной, избежать не только международного контроля, но и приоткрыть завесу над своей деятельностью для внутреннего гражданского контроля, прежде всего, с точки зрения защиты окружающей среды.

В 1986–1987 годах с политикой гласности пришли перемены и в подход СССР к контролю над осуществлением мер разоружения. На заключительном этапе работы над договором по СНВ и советская, и американская стороны в общем исходили из необходимости разработки эффективных мер контроля, которые давали бы максимальную взаимную уверенность в соблюдении договора. Конечно, это не означало, что все проблемы решались гладко и ко взаимному удовлетворению.

Возникавшие сложности часто бывали связаны с асимметрией стратегических сил и различиями в практике каждой из сторон.

Выше уже рассказывалось о стремлении американцев установить максимально жесткий контроль над мобильными наземными системами ракет, поскольку такими системами обладал лишь Советский Союз. Со своей стороны советские переговорщики прилагали максимум усилий, чтобы поставить под максимально жесткий контроль воздушной и морской компоненты, по которым значительное преимущество было у США.

Разработка тринадцати видов различных инспекций и процедур непрерывного наблюдения по периметру объектов по производству МБР для мобильных ПУ, порядка всевозможных уведомлений и обмена данными, мер сотрудничества для облегчения использования контроля со спутников, других

форм контроля потребовали огромного объема работы.

Большие трудности возникли при разработке положений договора и соответствующего протокола о телеметрической информации. Дело в том, что в ходе каждого летного испытания МБР или БРПЛ сторона, проводящая такое испытание, производит бортовые измерения технических параметров и передает в эфир всю телеметрическую информацию, полученную в результате таких измерений. Такая информация, полученная другой стороной договора, является важным средством контроля над его соблюдением в отношении МБР и БРПЛ. Нужно было, однако, разработать процедуры, которые предотвращали бы преднамеренное или непреднамеренное сокрытие такой информации. А поскольку у каждой стороны были свои особенности в проведении испытаний и передаче телеметрической информации, потребовалось стыковать эти различия.

В ходе разработки позиций по контролю сказывалось и то, что часто приходилось искать баланс между заинтересованностью узнать побольше чужих секретов и стремлением поменьше выдать своих секретов. Впрочем, такая же проблема была и у американской стороны.

Переговорная технология

Многолетняя практика ведения международных переговоров создала определенные приемы их рациональной организации. В то же время каждые переговоры имеют свою специфику.

Специфика переговоров по СНВ состояла, прежде всего, в громоздкости готовившихся документов и избытии военно-технических деталей. Разработка отдельных фрагментов общего комплекса велась параллельно в различных рабочих группах.

Такой порядок работы создавал, по крайней мере, две проблемы:

- необходимо было тщательно следить, чтобы действия переговорщиков в рабочих группах не вступали в противоречие друг с другом;
- изменения в тексте одного документа могли вызывать необходимость корректировки и других документов.

Механика подготовки договора и связанных с ним документов выглядела следующим образом. Каждая из сторон представляла свой текст. Они как бы накладывались один на другой. То, что совпадало, становилось согласованным текстом. То, что не совпадало, помещалось в квадратные скобки с пояснениями, из которых становилось понятно, чья позиция отражена в скобках (в русском тексте наша позиция отмечалась значком ¹⁾, а позиция США – значком ²⁾; в английском тексте – значки, соответственно, менялись).

В тех случаях, когда несовпадение было чисто словесным, искались формулировки, которые отражали согласованную позицию. Если же расхождения касались существа, то согласование, естественно, становилось более сложным, так как требовало взаимных уступок. Каждый раунд начинался и завершался пленарными заседаниями, на которые делегации собирались в полном составе. На них зачитывались заранее подготовленные заявления довольно общего характера, в которых декларировались намерения, выражались надежды и т.д. На заключительном заседании подводились итоги и выражались надежды на плодотворность следующего раунда.

После первого пленарного заседания начиналась работа двух основных групп – по наступательным вооружениям и по обороне и космосу (ситуация в группе по обороне и космосу была охарактеризована выше – в разделе «СНВ–ПРО»).

Группа по СНВ делилась на следующие подгруппы:

- по тексту самого договора;
- по протоколу об инспекциях;
- по протоколу о переоборудовании или ликвидации СНВ;
- по протоколу об уведомлениях о сокращении и ограничении СНВ;
- по протоколу о забрасываемом весе;
- по протоколу о телеметрической информации;
- по протоколу о Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям;
- по Меморандуму о договоренности об установлении исходных данных.

По мере необходимости создавались группы для подготовки решения конкретных узловых вопросов.

Очень большое место занимал неофициальный поиск возможных решений для доклада в свои соответствующие столицы.

Вообще говоря, достижение договоренностей на переговорах по сложным и деликатным вопросам невозможно без неофициальных контактов, в ходе которых стороны пытаются достичь договоренности *ad referendum*, то есть на свой страх и риск для доклада в свои столицы. За столом переговоров это сделать невозможно, так как каждое слово фиксируется. Формально никакого протокола не ведется. Но каждая сторона делает для себя подробные записи, на которые она в случае чего может сослаться. И даже если кто-то за столом переговоров предупреждает: «Я хочу сейчас сказать кое-что неофициально, не для протокола», всем, в том числе и говорящему, ясно, что все его слова будут зафиксированы, даже если все участники положат свои ручки и отодвинут блокноты. Другое дело – неофициальные встречи на нейтральной почве, тем более – один на один. В этом случае собеседники бывают связаны достигнутой договоренностью в чисто личном плане. И если эта договоренность в дальнейшем не подтверждается какой-либо из сторон, то в ее адрес нельзя выдвинуть обвинения в отходе от согласованного. В этом случае страдает лишь личный престиж того переговорщика, который не смог добиться утверждения своим правительством достигнутой им в предварительном порядке договоренности.

Во многих случаях инструкции, на основании которых работала советская делегация, обязывали ее доложить в Центр соображения о возможном решении того или иного вопроса. А для того, чтобы такие соображения действительно вели к решениям, требовалось, чтобы они оказались приемлемыми для противоположной стороны. Поэтому очень многие будущие решения проговаривались сторонами сугубо неофициально, а затем уже по результатам таких консультаций ими вносились предложения в свои соответствующие столицы. Конечно, далеко не всегда они принимались, и тогда снова начинался поиск возможных компромиссов.

М. Бешлос и С. Тэлбот впоследствии так писали о ситуации на переговорах по СНВ: «В Женеве Р. Берт, глава делегации США на переговорах по СНВ, пребывал в полной растерянности. Он направлял администрации одно предложение за другим относительно того, как решить застопорившиеся вопросы.

Он достигал предварительных договоренностей со своим советским коллегой Ю.К. Назаркиным, и все это отклонялось Вашингтоном – часто по личному распоряжению Скоукрофта»²⁷.

Советский коллега Берта тоже неоднократно оказывался в аналогичном положении.

Конечно, классическим компромиссом является договоренность по какому-то конкретному вопросу, для достижения которой каждая сторона уступает в равной мере. Это, однако, не всегда оказывается возможным, так как в силу характера того или иного вопроса он может быть решен только на основе *или-или*: либо предложение принимается, либо снимается. Бывает и так, что по отдельным элементам *пакета* компромисс может быть найден, но не посередине, а ближе в ту или иную сторону. Для таких случаев на переговорах использовалась практика *пакетов*, когда составлялся набор вопросов, и договоренность достигалась путем *размена озабоченностями*: по конкретным вопросам стороны уступают друг другу в разной степени, а в целом получается примерный баланс уступок.

В качестве примера можно сослаться на один из таких *пакетов*, который был составлен в январе 1991 года с целью расчистки несогласованных вопросов. Вот его основная часть:

1. Американская сторона снимает свое предложение об установлении подуровня на количество боезарядов на МБР (3000 единиц)²⁸.
2. Советская сторона принимает американское предложение о том, что в случае отклонений от стандартной конфигурации составов с развернутыми железнодорожными мобильными ПУ МБР во время обычного передвижения или передислокации другой стороне предоставляется информация о тех участках маршрута, на которых имело место отклонение от стандартной конфигурации.
3. Достигается компромиссное решение о процедуре выставления под открытым небом – для облегчения контроля – грунтовых мобильных ПУ МБР, в соответствии с которым сторона, по получении соответствующего запроса, по своему выбору либо выставляет свои грунтовые ПУ МБР рядом с их стационарными укрытиями и открывает

крыши этих сооружений, либо выдвигает такие ПУ наполовину из их укрытий²⁹.

Помимо этих трех вопросов в *женевский пакет* входили еще шесть более мелких вопросов, которые вряд ли есть смысл приводить и разъяснять, так как в данном случае лишь преследуется цель проиллюстрировать принцип *пакетного* решения: один вопрос решается на нашей основе, другой – на американской, третий – на компромиссной, но ближе к нашей позиции, и т.д., то есть идет сугубо прагматический обмен уступок в рамках единого набора нерешенных вопросов.

На сугубо неофициальной основе было подготовлено заявление Дж. Буша и М.С. Горбачева о будущих переговорах по стратегическим вооружениям, которые должны были последовать за подписанием договора СНВ-1 (это заявление было сделано на Вашингтонской встрече в верхах летом 1990 года).

Идея заявления возникла еще в Вайоминге в сентябре 1989 года, где проходила встреча министров иностранных дел США и СССР. Смысл такого заявления должен был состоять в том, чтобы, *во-первых*, обеспечить непрерывность процесса, а, *во-вторых*, получить возможность отводить обвинения в том, что что-то не решено или решено не так в договоре. Заявление должно было показать, что если в договоре что-то не так, то все это будет исправлено в ходе последующих переговоров.

В Женеве, куда делегации съехались после непродолжительного перерыва после вайомингской встречи, оказалось, что ни советская делегация, ни американская не имеют инструкций о разработке такого заявления. У главы советской делегации имелось лишь устное благословение мидовского начальства. Поэтому официальные переговоры не подходили.

Между тем, необходимость совместного заявления о будущих переговорах возрастала в связи с тем, что летом 1990 года предстояла встреча в Вашингтоне на высшем уровне. Первоначально была надежда, что на ней можно будет подписать договор. Но с каждым днем эта надежда убывала, и скоро стало ясно, что договор не будет готов. И тогда было решено подготовить к Вашингтонской встрече два совместных заявления – о достигнутом прогрессе в деле подготовки договора и

относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Заявление о достигнутом прогрессе должно было суммировать все то, что было достигнуто на переговорах, а заявление о будущих переговорах выполняло бы роль оптимистического наполнителя встречи.

Сложность подготовки этого совместного заявления состояла в том, что позиции сторон расходились по трем основным вопросам: по взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (США настаивали на продолжении переговоров по ПРО и космосу с целью пересмотра договора по ПРО), уменьшению концентрации боезарядов на МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) и дальнейшему сокращению тяжелых МБР, а также по вовлечению в дальнейшие переговоры других ядерных держав (США должны были проявлять здесь аккуратность из-за своих союзнических отношений с Великобританией и Францией, которые не хотели сокращать свои ядерные вооружения).

Как уже говорилось, такое заявление было сделано, хотя бурные события, начавшиеся 19 августа 1991 года, привели к таким последствиям, которые поломали все те осторожные компромиссные конструкции, которые с таким трудом были разработаны для будущих переговоров. Достаточно вспомнить хотя бы следующую формулу из совместного заявления: «В частности, стороны будут вести поиск мер, которые уменьшат концентрацию боезарядов на стратегических носителях в целом, включая меры, относящиеся к вопросам тяжелых МБР и МБР с РГЧ ИН». Договор СНВ-2, как известно, полностью ликвидирует тяжелые МБР – монополию России, и все МБР с РГЧ ИН, в том числе современные десятизарядные ракеты СС-24, составляющие основу стратегической триады России. Иными словами, США получили все то, о чем могли лишь мечтать во время разработки совместного заявления 1990 года.

Неофициальная подготовка будущих решений, хотя и является абсолютно необходимой частью переговорной практики, представляет собой определенный риск, поскольку нельзя исключить возможность *утечки*, что может поставить переговорщика, вышедшего за рамки своих инструкций, в неприятное положение.

Именно так случилось при подготовке решения проблемы о крылатых ракетах морского базирования. Содержание неофициальных консультаций двух глав делегаций по этому вопросу, происходивших в Вашингтоне 14 декабря 1989 года, было предано огласке 19 декабря: в американской газете *New York Times* появилась статья военно-политического обозревателя М. Гордона, в которой со ссылкой на состоявшиеся неофициальные консультации, говорилось о возможности смягчения позиции советской стороны по КРМБ. В МИДе чертыхнулись в адрес американцев, допустивших *утечку*, а Генштаб, не дававший официальной санкции на такие консультации, использовал статью Гордона для обвинений МИДа в *партизанских* действиях и заблокировал внесение изменений в позицию по КРМБ. Потребовалось еще полгода, чтобы тупик был преодолен.

Внутренняя дипломатия

Трудно сказать, что более сложно на переговорах, – поиск договоренностей с иностранными партнерами, или согласование вопросов со своими ведомствами, между которыми порой возникают коренные разногласия. Наконец, совсем плохо, когда в такое согласование вплетается политическая борьба в руководстве страны, но об этом – в конце следующего раздела.

В общем наличие межведомственных разногласий – вполне естественное дело. Важно, однако, чтобы был эффективный механизм для их преодоления. Если же он существует и нормально функционирует, есть гарантия, что различные взгляды и подходы министерств и ведомств трансформируются в общегосударственные позиции.

Такой механизм существовал в виде так называемой *пятерки*, то есть пяти ведомств, которые готовили решения крупных военно-политических вопросов³⁰.

В ноябре 1969 года, в связи с началом советско-американских переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1), Политбюро приняло решение о создании «Комиссии Политбюро КПСС по наблюдению за переговорами, связанными с ограничением стратегических вооружений в Хельсинки». В нее вошли руководители пяти ведомств, ответственных за разработку позиций на переговорах: Секретариата ЦК КПСС³¹, министерства обороны, министерства иностранных дел, КГБ и Военно-

промышленной комиссии Совета Министров³². Комиссия собиралась не часто, но действовало правило: записки, которые вносились в Политбюро для принятия решений по вопросам переговоров, должны были быть подписаны этими пятью руководителями. В дальнейшем этот порядок был распространен и на другие переговоры по ограничению вооружений и разоружению. Благодаря этому решению в Политбюро вносились документы, пропущенные через несколько *сит* межведомственного согласования. Чтобы под запиской смогли появиться пять подписей, она проходила несколько этапов согласования.

Сначала документ проходил так называемую *малую пятерку*. Это был основной рабочий орган, созданный при Генштабе под руководством первого заместителя начальника Генштаба. Другие ведомства были представлены там руководителями соответствующих подразделений и главами делегаций. Затем, в случае необходимости, уровень повышался до заместителей руководителей. Если и в этом случае договориться не удавалось, вопрос выносился на *большую пятерку*. В середине восьмидесятых годов главой комиссии Политбюро, рассматривавшей вопросы сокращения вооружений, стал Л.Н. Зайков, который был в то время секретарем ЦК КПСС по оборонным вопросам³³.

Заседания, как правило, проходили бурно, а порой и драматично. Накал страстей на межведомственных совещаниях бывал настолько высок, что дело порой доходило и до обвинений в «предательстве интересов Родины». К концу совещания, однако, его участники все-таки осознавали, что нужно договариваться. В таких случаях обычно создавалась «узкая рабочая группа», которая должна была подготовить проект указаний или иного какого документа «с учетом обмена мнениями». Действительно же принципиальные разногласия выносились на более высокий уровень.

Прежде всего, сталкивались чисто ведомственные интересы. Было бы, однако, большим упрощением считать, что эти столкновения всегда сводились к противостоянию МИДа, выступавшего за скорейшее заключение договора, с другими ведомствами, которые этому противодействовали. Верно то, что МИД выступал за сокращение вооружений и заключение на этот счет международных

соглашений. Но линия других министерств и ведомств далеко не всегда была направлена против этой линии.

Признав неизбежность сокращения стратегических наступательных вооружений, рода войск занялись *перетягиванием одеяла на себя*, добиваясь, чтобы договор в возможно меньшей степени затронул интересы каждого данного рода войск. Каждый участник *стратегической триады* (ракетчики, подводники и летчики) стремился обеспечить минимум неудобств в виде различных ограничений для себя, не возражая против подобных неудобств для своих коллег с другими знаками отличия.

То же самое происходило и в оборонной промышленности – между конкурирующими министерствами и КБ.

И, тем не менее, система межведомственного согласования, несмотря на все свои недостатки, позволяла вырабатывать общегосударственные позиции путем всестороннего взвешивания и сопоставления подходов и мнений отдельных министерств и ведомств. Положительные стороны этого механизма стали особенно видны впоследствии, когда он, вместе со страной, был разрушен. К руководству Россией пришли люди, которым он был не нужен. Им было не до общегосударственных интересов, поскольку их главной заботой стало обеспечение интересов своих собственных, а безопасность страны превратилась для них в разменную монету. Слава Богу, что сейчас времена меняются, и национальная безопасность России вновь выходит на передний план, к неудовольствию тех, кто привык не особенно с Россией считаться.

Политическая борьба вокруг Договора

По мере того, как переговоры продвигались к завершению, а Советский Союз – к своему распаду, на политическом горизонте все больше сгущались темные тучи, что вызывало серьезные сомнения в возможности заключения договора.

В Женеву все явственнее доносились отзвуки обостряющейся борьбы в высшем политическом руководстве СССР. Все сильнее и заметнее стали импульсы от тех сил, которые усиливали свою оппозицию М.С. Горбачеву и стремились не допустить заключения договора.

Впоследствии состав ГКЧП ясно показал, кто принадлежал к этой оппозиции. В частности, в него вошел главный противник заключения договора О.Д. Бакланов.

Еще в марте 1990 года, в связи с обсуждением на комиссии Зайкова очередных директив для делегации, он представил свое особое мнение по договору в целом. Оно сводилось к тому, что в результате заключения договора по СНВ соотношение СССР и США по числу боезарядов стало бы 1:1,93 в пользу США (вместо 1:1,4 на март 1990 года), а с учетом ядерных арсеналов Великобритании и Франции – 1:2,1. На этой основе развернулась дискуссия по сути дела о целесообразности заключения договора по СНВ. А за такой постановкой вопроса и за различными взглядами на него явственно были видны разногласия среди высшего руководства страны из-за общей направленности внешней политики и оборонного строительства, да и всего политического курса.

Точка зрения О.Д. Бакланова не была тогда поддержана. Интересно, что даже В.А. Крючков, который впоследствии вошел вместе с Баклановым в состав ГКЧП, выступил за заключение договора. С очень яркими и убедительными аргументами в пользу договора выступил председатель Военно-промышленной комиссии И.С. Белоусов. В весьма сильных и определенных выражениях он заявил, что договор по СНВ нужен как хлеб, как воздух. Экономика наша напряжена до предела, говорил он, и мы просто не в состоянии вернуться к гонке вооружений. Единственная возможность сделать это, говорил Белоусов, – через возврат к тоталитаризму, через крах перестройки, а это опять – экономический тупик. Обороноспособность же наша обеспечивается благодаря сдерживающему характеру ядерного оружия не только при соотношении 1:2, но и при более выигрышном для Запада соотношении.

Следующая попытка сорвать заключение договора была предпринята вскоре в связи с появившейся 3 апреля 1990 года в американской газете *Washington Post* статьей о переговорах, написанной ее военно-политическим обозревателем Дж. Смитом.

В статье давались оценки уже согласованным положениям договора с явным перекосом в пользу США. Оценки эти были сформулированы достаточно тонко, чтобы не вступать в явное противоречие с

действительностью. В то же время картина в целом была серьезно искажена, причем с очевидным стремлением показать, какие выгоды получают США от заключения договора в ущерб Советскому Союзу.

Конечно, статья Дж. Смита подыгрывала тем кругам в администрации США, которые выступали за заключение договора. И, видимо, внутри США свою положительную роль она сыграла, но эффект, который статья произвела в Москве, вряд ли входил в расчеты ее автора.

Статья Дж. Смита послужила новым поводом для московских противников договора по СНВ вновь поставить перед политическим руководством Советского Союза вопрос о недопустимости его заключения, поскольку он якобы рубит под корень (и это, мол, признают сами американцы) всю обороноспособность советского государства.

Тем не менее, и на этот раз была подтверждена необходимость заключения договора по СНВ.

Долгий путь к ратификации

Не раз американцы на переговорах использовали такой прием: даже в том случае, если бы они и согласились на то или иное наше предложение, Сенат американский ни за что не пропустит этой крамолы, и многолетние труды переговорщиков пропадут напрасно. К такому же аргументу нередко прибегали и мы, тем более что депутаты Верховного Совета вели себя все более раскованно. Однако в то время никто не предполагал, из-за чего в действительности возникнут трудности для вступления договора в силу.

Договор готовился к ратификации, когда грянул ГКЧП, в который вошел главный противник заключения договора О.Д. Бакланов. Провал путча снял эту угрозу, но вскоре возникла качественно новая ситуация в связи с распадом Советского Союза, что породило целый ряд вопросов.

Прежде всего, кто теперь этот договор должен ратифицировать? Только Россия? Все Содружество? Или те государства, на территории которых имеются вооружения, подпадающие под действие договора, то есть помимо России также Украина, Белоруссия и Казахстан?

Договор по СНВ разрабатывался как двусторонний, что предопределяло

симметричность прав и обязательств, а также механизма его осуществления. Нарушение его двустороннего характера создавало новые проблемы – необходимость перераспределения квот инспекций и расходов по осуществлению договора, корректировки графика уничтожения и т.д. Все это требовало официальных межгосударственных договоренностей. Было ясно только одно: до их достижения ратифицировать договор было нельзя.

Переговоры экспертов с целью подготовки и предварительного согласования таких договоренностей начались в Москве 27–28 января 1992 года и затем были продолжены в Минске 6–7 февраля, в Киеве 2–4 марта и снова в Москве 11–12 марта 1992 года.

Первоначальная российская позиция состояла в следующем:

- Договор по СНВ остается двусторонним и ратифицируется Россией как государством-продолжателем СССР и Соединенными Штатами.
- Белоруссия, Казахстан и Украина должны заключить четырехсторонний (с участием России) протокол, в котором: а) уполномочат Россию нести ответственность за выполнение договора в целом и представлять все четыре государства в отношениях с США в целях выполнения прав и обязательств, вытекающих из договора; б) подтвердят свое намерение обеспечить гарантии выполнения договора на их соответствующих территориях.

На этой основе эксперты и подготовили свои рекомендации в виде проектов Соглашения и принципах и порядке выполнения договора по СНВ и протокола о механизме. Эти документы должны были быть вынесены на рассмотрение глав государств СНГ в Киеве 20 марта.

Украинская сторона, однако, не включила их рассмотрение в повестку дня встречи, а вместо этого попыталась без предварительного обсуждения подписать свой вариант договоренности на обеде *в узком составе*. В соответствии с этим вариантом, договор по СНВ превращался в пятисторонний. Эта попытка, однако, не удалась.

Неспособность лидеров четырех государств СНГ придти к соглашению не на шутку встревожила американцев. В игру вступил

госсекретарь Дж. Бейкер, который предложил провести встречу министров иностранных дел США, России, Украины, Белоруссии и Казахстана в конце мая 1992 года в Лиссабоне, где он сам должен был быть в это время по другим делам.

23 мая в столице Португалии эта пятерка подписала протокол к договору по СНВ и обменялась письмами, которые составили так называемую «Лиссабонскую пакетную договоренность». Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина как государства-правопреемники СССР приняли на себя обязательства бывшего Союза по договору. Белоруссия, Казахстан и Украина обязались «в возможно кратчайшие сроки» присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств. Попытки российской делегации добиться более определенного срока поддержаны не были. Расплывчатость принятой формулировки позволила Украине сильно затянуть свое присоединение к договору о нераспространении (экстремисты настаивали на сохранении ядерного оружия, более умеренные соглашались в конечном счете отказаться от него, но «за приличное вознаграждение»). Положение удалось урегулировать лишь в конце 1994 года, после чего путь к вступлению договора в силу был открыт.

Заключение

5 декабря 2001 года, то есть через семь лет после вступления договора в силу, завершились предусматриваемые им сокращения. После этого он будет действовать еще восемь лет, если не будет заменен ранее этого срока последующим соглашением о сокращении и ограничении стратегических вооружений, или не будет продлен, или не будет расторгнут. В любой период, который последует после первых семи лет, будут соблюдаться все те запреты и ограничения, а также контроль за их соблюдением, которые предусмотрены договором.

В заявлении МИД России в связи с десятилетием подписания договора СНВ-1 ему дана следующая оценка: «Договор о СНВ в настоящее время является единственным международным договором, в соответствии с которым осуществляются реальные сокращения стратегических наступательных вооружений. На протяжении десятилетнего периода он играл и продолжает играть важную роль в укреплении стратегической

стабильности и международной безопасности»³⁴.

¹Эти переговоры велись параллельно по трем направлениям: СНВ, космическим вооружениям и ракетам средней и меньшей дальности. После подписания в 1987 году Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности осталось два направления, однако ввиду диаметального расхождения в позициях СССР и США по космическим вооружениям на этом направлении велась работа, которая не могла привести к заключению договора. Необходимо также иметь в виду, что еще в 1982 году была предпринята неудачная попытка договориться об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений. Эти переговоры были прерваны в конце 1983 года.

²Закон был принят в российском Верховном Совете 165 голосами, 8 депутатов воздержались, никто не голосовал против.

³Изложение договора опубликовано в справочнике «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М., ПИР-Центр, 2001, с.10–32.

⁴Червов Н.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М., Олма-Пресс, 2001.

⁵Интересные подробности, связанные с разработкой этой формулы, приводятся в кн.: Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., Международные отношения, 1992, с.141–147.

⁶*Правда*, 25 сентября 1989

⁷Термины и их определения. п.40. При разработке определения МБР был использован опыт переговоров по ограничению стратегических вооружений, которые велись в конце шестидесятых – начале семидесятых годов.

⁸Там же, п.7.

⁹*Правда*, 25 сентября 1989

¹⁰Термины и их определения, п.112.

¹¹Аналогичное обязательство было взято Советским Союзом в отношении *Backfire* в 1979 году в связи с договором ОСВ-2. В том случае, однако, в советском заявлении, вместо количественных ограничений на число этих самолетов, содержалось ограничение на их производство (не более 30 в год).

¹²Будущий договор по СНВ-3, в соответствии с российско-американской договоренностью, достигнутой на высшем уровне в Хельсинки в 1997 году, должен предусматривать уничтожение ядерных боезарядов.

¹³Nitze Paul H. From Hiroshima to Glasnost. NY, Grove Weidenfeld, 1989, p.431

¹⁴К тому времени маршал С.Ф. Ахромеев уже оставил пост начальника Генерального штаба

и состоял военным советником при М.С. Горбачеве.

¹⁵Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Цит.соч., с.267

¹⁶Там же, с.268

¹⁷Там же.

¹⁸Эти предложения и результаты их обсуждения с американцами изложены там же, на с.268–270.

¹⁹Эти данные были приведены С.Ф. Ахромеевым на встрече министров 9 февраля 1990 года.

²⁰Стартовый вес МБР РС-18 – 105,6 т, а МБР РС-22 – 104,5 т.

²¹Кохран Т., Аркин У., Норрис Р., Сэндс Дж. Ядерное вооружение СССР. М., ИздАТ, 1992, с.165

²²Эта же ракета существовала и в шахтном варианте.

²³Первов М. Ракетное оружие ракетных войск стратегического назначения. М., Виоланта, 1999, с.222–225

²⁴Там же, с.226–229

²⁵В соответствии с этим проектом, ПУ с ракетами перемещались бы по закрытым траншеям по рельсам.

²⁶*Правда*, 25 сентября 1989

²⁷Beschloss Michael R., Talbot Strobe. At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War. London, Little, Brown and Company, 1993, p.311

²⁸Это предложение было направлено на то, чтобы *зажать* наземный компонент советской стратегической триады, который в силу географических и технологических причин всегда был основным в советских СНВ. Советская сторона, в принципе, отводила подуровень для МБР, не вступая в переговоры о его размере.

²⁹Сложность решения этого вопроса объяснялась тем, что, *во-первых*, у нас уже были развернуты мобильные МБР (и грунтовые, и железнодорожные), а в США вопрос о развертывании этого вида СНВ решен не был, а, *во-вторых*, у стационарных укрытий советских грунтово-мобильных ракет были открывающиеся крыши, а у американских были запланированы укрытия, крыши которых не открывались бы. Поэтому США, *с одной стороны*, были заинтересованы в том, чтобы создать максимальные ограничения и максимально строгий контроль для мобильных МБР, а *с другой*, – в том, чтобы не оказаться жертвой этих мер в случае развертывания своих мобильных МБР.

³⁰Функционирование этого механизма показано в уже упоминавшейся книге: Червов В.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет, с.173–182. [Этой теме посвящена также книга: Savel'yev Alexandr GDetinov., Nikolay N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Praeger. Westport, Connecticut, and London, 1995. – Ред.]

³¹В 1969 году Секретариат ЦК КПСС был представлен в Комиссии секретарем ЦК по оборонным вопросам Д.Ф. Устиновым, который являлся председателем Комиссии.

³²В первоначальный состав Комиссии входил также президент АН СССР М.С. Келдыш, но он входил в личном качестве, и скоро из Комиссии вышел.

³³Он остался во главе Комиссии и после того, как на посту секретаря по оборонным вопросам его заменил О.Д. Бакланов.

³⁴Сообщение министерства иностранных дел Российской Федерации, 1 августа 2001, www.mid.ru